

латы составлял из данных отчетов, а также из отчетов по прокурорскому надзору при судебной палате общий отчет и представлял его Министру Юстиции. В частности, в указании от 22 декабря 1898 г., направленном из Министерства юстиции прокурорам судебных палат, разъяснялось, что им надлежало представлять в Министерство годовые отчеты о деятельности лиц прокурорского надзора соответствующего судебного округа к 1 мая каждого следующего за отчетным года (ГАИО. Ф. 245. Оп. 3. Д. 1441. Л. 22). В связи с таким разъяснением, к примеру, прокуроры окружных судов Иркутского судебного округа направляли прокурору Иркутской судебной палаты ежегодные отчеты о деятельности за год в феврале — марте года, следующего за отчетным (Там же. Оп. 1. Д. 535. ЛЛ. 16–114). После обработки полученных данных прокурор судебной палаты посылал общий отчет о деятельности прокурорского надзора по всему судебному округу за отчетный год. Отчеты составлялись по установленным формам, которые строго соблюдались должностными лицами прокуратуры судебных палат (Курас Л.В., Курас Т.Л., Щербаков Н.Н. История Иркутской судебной палаты (1897–февраль 1917 гг.).

В целом изменение характера деятельности Министерства Юстиции после проведения судебных преобразований в России оказало огромное положительное влияние на функционирование судебных палат, а также иных новых судебных установлений. Функция Министерства по надзору за судебным ведомством имела особое значение, она позволяла повысить эффективность работы судов, обеспечивая единообразие ведения судебных дел и делопроизводства. Министерство Юстиции стремилось своевременно принимать меры к устранению уклонений от законного порядка и к изменению факторов, которые могли неблагоприятно повлиять на деятельность судов. Судебные палаты, стоявшие во главе судебных округов, оказывали ему неоценимую помощь в реализации соответствующих полномочий.

В.А. МУНХАНОВ

РЕАЛИЗАЦИЯ ЗЕМЛЕУСТРОИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ПРАВИТЕЛЬСТВА СРЕДИ НАРОДОВ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В 1908–1914 гг.

Начало XX в. характеризуется активацией как внутренней так и внешней политики Российской империи на восточном направлении. По сути это являлось выражением единой стратегической задачи — укрепления позиций империи в Центральной Азии и на Дальнем Востоке. Глава правительства П.А Столыпин в своем выступлении в Государственной думе 31 марта 1906 г., обозначая важнейшие задачи, так обосновывал необходимость активизации внутренней политики в восточных регионах империи: «Я прежде всего остановлюсь на стратегических соображениях

и сделаю оговорку, что, несомненно, мы должны быть сильны на нашем Дальнем Востоке не для борьбы, а для прикрытия нашей национальной культурной работы, которая является и нашей исторической миссией. <...> На нашей дальней окраине, и на Камчатке, и на побережье Охотского моря, начался уже какой-то недобрый процесс. В наш государственный организм уже вклинивается постороннее тело. <...> оставлять этот край без внимания было бы проявлением громадной государственной расточительности. Край этот нельзя огородить каменной стеной. Восток проснулся, господа, и, если мы не воспользуемся этими богатствами, то возьмут их, хотя бы путем мирного проникновения, возьмут их другие» (Столыпин П.А. Программа реформ. Документы и материалы: в 2 т. М.: Изд-во РОССПЭН, 2003. Т. 1. С. 52).

Отталкиваясь от этого, П.А. Столыпин убеждал депутатов I Государственной Думы в необходимости развития путей сообщения на востоке страны и активизации переселенческой политики. Это не только решало проблему малоземелья в центральных губерниях, но и должно было способствовать скорейшей русификации сибирских народов и закреплению на восточной окраине «коренного русского элемента».

Таким образом, решение этих задач напрямую затрагивало вопросы управления и поземельного устройства «инородческого» населения Сибири. Вызвано это было тем, что именно решением административных вопросов связанных с организацией управления инородцами, а следовательно и с их поземельным устройством, напрямую были связаны планы правительства, касающиеся переселенческой политики и планы скорейшей интеграции сибирских «инородцев» в единое культурное, административное и политическое пространство Российской империи.

Л.М. Дамешек в аграрной политике царизма выделяет несколько этапов, анализ которых позволяет проследить эволюцию общей направленности внутренней политики правительства в Сибири. В период 1898–1905 г. подход правительства к землеустройству инородцев отличался осторожностью ввиду массовых протестов коренного населения, с одной стороны, и наличия свободных земель с другой. Революция 1905–1907 г. приостановила поземельно-устроительную деятельность в инородческих ведомствах. В период же 1908–1917 г. происходит активизация землеустроительной деятельности и полное подчинение землеустройства аборигенов переселенческой политике (Дамешек Л.М. Политика российского самодержавия в отношении народов Сибири в эпоху капитализма (1861-1917): дис. ... докт. ист. наук. Иркутск, 1987. С. 180).

С осени 1908 г. министерские чиновники разного уровня стали требовать от губернской администрации «скорейшего» перевода кочевых аборигенов в разряд оседлых. Особую активность в этом проявил П.А. Столыпин. В 1909 г. на имя иркутского генерал-губернатора А.Н. Селиванова было направлено письмо, в котором глава правительства П.А. Столыпин приказывал рассмотреть вопрос о переводе «инородцев», «кои живут

оседло, деревнями, и утратили кочевой быт» в разряд оседлых (ГАИО, ф. 25, оп. 9, к. 962, д. 2310, л. 2).

Селиванов, в свою очередь, разослал данное распоряжение губернаторам Иркутской и Енисейской губерний и Якутской области и военному губернатору Забайкальской области. Перевод в разряд оседлых напрямую был связан с проведением землеустройства: земли, находившиеся в распоряжении инородческих органов самоуправления подвергались строгому учету. При переводе в разряд оседлых душевой надел «инородца» должен был составить 15 десятин. До этого времени у бурят Забайкалья душевой надел колебался в пределах 200–450 десятин (Там же, к. 964, д. 2435, л. 6). Таким образом, создавался резервный земельный фонд для переселенцев. В письме на имя главного управляющего землеустройством и земледелием министерства внутренних дел Селиванов писал: «Обращаясь к вопросу об изыскании колонизационного фонда, я нахожу, что, помимо свободных казенных земель, таким фондом могут послужить бурятские земли. Громадное количество инородческих земель, с одной стороны, и незначительность бурятского населения с другой, позволяют предполагать, что за наделением инородцев узаконенною пропорцией земли, в распоряжении правительства останется значительный колонизационный фонд, который может быть предоставлен русским переселенцам. В целях скорейшего освобождения этого фонда, следует принять меры к ускорению производящегося землеустройства забайкальских бурят» (Там же, л. 2). Надо отметить, что иркутский генерал-губернатор усердствовал в проведении землеустройства больше самого Столыпина, который, вопреки общепринятому мнению, довольно осторожно относился к этой проблеме и требовал перевода в иной разряд только по реальному состоянию хозяйства, хотя бы формально придерживаясь положений «Устава об управлении инородцев». Единственное положение через которое он переступил — пункт «Устава», согласно которому перевод в иной разряд был возможен только во время очередной ревизии (Там же, л. 2 об.). Сам Селиванов в качестве «колонизационного фонда» предлагал использовать также казачьи земли и даже земли, принадлежавшие Кабинету Его Императорского Величества.

Уже с 1910 г. губернаторы губерний и областей Иркутского генерал-губернаторства начали представлять отчеты о проделанной работе. Меньше всего проблем возникло у иркутского губернатора: буряты Предбайкалья, в силу более тесных контактов с русским населением, в это время в большинстве своем действительно занимались земледелием и вели полукочевое хозяйство по схеме «зимник-летник». Поэтому, перевод на земледельческий надел не особенно сильно затронул их систему хозяйствования. Тем более, что их душевые наделы в среднем все же были выше 15 десятинного минимума (Там же, л. 18). В прежнем состоянии были оставлены часть бурят Верхоленского и Тункинского ведомств и карагазы (тофалары). Военный губернатор Забайкальской области никаких

особенных мер не предпринял, сославшись на решения комиссии под председательством статс-секретаря Куломзина, которая в период 1897-1901 гг. уже рассматривала вопрос о поземельном устройстве инородцев Забайкальской области и разработала новое положение об общественном управлении и суде инородцев области. Якутский губернатор Крафт решил вопрос очень быстро и эффективно: в силу того, что плодородных земель в Якутской области было мало, те немногие, кто вел оседлый образ жизни был и немедленно переведены в разряд оседлых, а часть бродячих инородцев — в разряд кочевых. Были перечислены из кочевых в оседлые 8385 душ обоего пола, из бродячих в кочевые 1402, из кочевых в крестьяне 12 душ (Там же, л. 24). Дольше всего предписания Селиванова исполнялись в Енисейской губернии: губернатор, ссылаясь на отсутствие крестьянских начальников, откладывал проведение землеустройства в хакасских ведомствах. И лишь в 1912 г. вопрос о перечислении хакасов в разряд оседлых был решен: 41121 душ обоего пола были окончательно переведены в разряд оседлых (Там же, л. 280).

Подобные мероприятия естественно встретили неодобрение со стороны «инородцев». Со стороны бурят, хакасов, якутов и эвенков предпринимались попытки обжалования решений властей как на губернском уровне, так и на правительственном — вплоть до ходатайств на имя императора. Однако все усилия оказались тщетны, так официальный ответ данной бурятам Верхнеудинского уезда на их просьбу о пересмотре землеустройства гласил: «Заявление не заслуживает уважения, поскольку за указом Сенату от 1 июня 1900 г все права, предоставленные бурятам старинными документами, а равно грамотами 1808 и 1888 гг. должны почитаться утратившими силу. Бурятам даровано право собственности лишь на те земли, которые будут подлежать отводу им в порядке закона 5 июня 1900 г.» (Там же, д. 2388, к. 963, л. 85). В Забайкалье с одобрения начальства русские крестьяне начали самовольно захватывать бурятские земли, что приводило к серьезным конфликтам между бурятами и русскими крестьянами.

1914 г. из 350 тыс. кочевников, числившихся по официальным данным в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской, в категорию оседлых было переведено 233 тыс., в разряде кочевых и бродячих продолжало оставаться около 116 тыс. душ, что составляло примерно 33% всего коренного населения (Сибирь в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 242).

Одновременно с причислением к категории оседлых администрация проводила волостную реформу: прежнее родовое административное деление, сохранявшееся еще со времен «Устава об управлении инородцев» 1822 г., заменялось сельскими обществами и волостями, по примеру русского крестьянского волостного административного устройства. В результате в этот период большая часть сибирских аборигенов была фактически уравнена в правах с русским крестьянским населением. Не

смотря на то, что официально «Устав об управлении инородцев» отменен не был, его положения утратили силу: от патерналистской модели национальной политики Российская империя перешла к унификации.

**О.А. БУРЕНИН
В.Н. ВОРОНЦОВ**

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В 1920–1930-е гг.

По окончании гражданской войны угроза внешней интервенции по-прежнему оставалась, внешнеполитическая обстановка была не менее сложной. Необходимость создания военно-обученных резервов являлась одной из основных задач советского правительства, но вместе с созданием общественных оборонных организации вставал и вопрос их правового урегулирования.

Первым документом, в котором поднимался вопрос о создании общественных организаций, была Конституция РСФСР 1918 г. Статья 16 Основного закона провозглашала право граждан объединяться в общества (Конституция. (Основной закон). М., 1919. С. 5). Законодательно было закреплено право рабочих и крестьян на объединения в общества и союзы, но не всем гражданам, а только трудящимся.

С 1917 по 1922 гг. был издан ряд декретов ВЦИК и СНК РСФСР: о кооперации (Законы о кооперации. Систематический сборник декретов, постановлений, инструкций, примерных уставов и пр. М., 1924), об обществе Красного Креста и т.д. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 12 июня 1922 г. «О порядке созыва съездов и всероссийских совещаний различных союзов и объединений и о регистрации этих организаций» НКВД поручалось провести регистрацию всех обществ и союзов. Таким образом было определено учреждение, регистрирующее общественные организации и порядок созыва их высших форумов.

3 августа 1922 г. ВЦИК и СНК РСФСР было принято постановление «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли и о порядке надзора за ними» (Известия ВЦИК. 1922. 12 авг.). Общество обязано было зарегистрироваться в НКВД или его местных органах, не прошедшие регистрацию в течение двух недель после опубликования данного постановления, объявлялись закрытыми. Данным постановлением была закреплена практика административного и политического надзора за обществами. НКВД получил право влиять на общественные организации. Для предотвращения отклонения деятельности обществ в антисоветскую сторону, декрет ВЦИК от 3 августа 1922 г. установил, что регистрация обществ, не преследующих целей извлечения прибыли и надзор за ними возлагались на административные отделы губисполкомов.